

УДК 7.033

DOI: 10.31029/vestiyali21/14

ИЗ ИСТОРИИ ИСКУССТВА СКУЛЬПТУРЫ с. КУБАЧИ

А. Дж. Магомедов

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Отношение ислама к изобразительному искусству – тема малоизученная. Статья востоковеда О. Г. Большакова на эту тему, изданная давно, хорошо известна исследователям. В последние десятилетия в связи с реисламизацией эта тема привлекает повышенное внимание общественности. Так, в 1997 году в Дагестане из-за позиции духовенства республики не был сооружен памятник лидеру национально-освободительного движения Дагестана имаму Шамилю. Стоит задача изучения истории и практики реализации таких запретов. В статье сделана попытка выявить причины порчи скульптурных изображений живых существ, известных из средневекового искусства с. Кубачи. Исследователями высказаны разные точки зрения на причины и время их порчи. Одну из точек зрения на эти события представили и мы.

Ключевые слова: история Дагестана, ранний ислам, отношение ислама к изображению, памятники, селение Кала-Корейш, селение Кубачи.

The attitude of Islam to the visual arts is an insufficiently explored topic. The article by an orientalist O. G. Bolshakov on this topic, published a long time ago, is well known to researchers. In recent decades, due to re-Islamization, this topic has attracted increased public attention. So in 1997 in Dagestan, due to the position of the clergy of the republic, a monument to the leader of the national liberation movement of Dagestan Imam Shamil was not erected in Dagestan. The task is to study the history and practice of implementing such bans. The article attempts to identify the causes of damage to the sculptural images of living beings, known from medieval art of Kubachi. The researchers expressed different points of view on the causes and time of their damage. We want to present one of the points of view on these events.

Key words: history of Dagestan, early Islam, the attitude of Islam to the image, monuments, the village of Kala Koreish, the village of Kubachi.

В связи с актами вандализма талибов в Афганистане, уничтоживших монументальные скульптуры Будды, а позже игиловцев, разрушивших многие памятники Пальмиры, актуализировался вопрос об истории отношения ислама к изображениям в искусстве, особенно к антропоморфной скульптуре, а также о трактовках исламских оснований таких запретов. Как справедливо пишет исследователь И. А. Тульпе, этот вопрос сегодня вышел «за рамки научного интереса» [15, с. 202].

Дагестанцам хорошо известна и полемика между учеными и духовенством конца 1990-х годов о том, можно ли ставить памятник лидеру национально-освободительного движения имаму Шамилю. Эта тема возникла в связи с празднованием 200-летия имама. Так, в 1996 году было принято постановление Правительства РД (15.11.1996, № 185) «О сооружении памятника имаму Шамилю в г. Махачкале». Однако памятник не был построен по причине отказа религиозных деятелей республики от этой идеи. Говоря о причинах сложившейся ситуации, тогдашний руководитель Фонда Шамиля, известный дагестанский философ, профессор Д. М. Магомедов заявил, что Духовное управление мусульман Дагестана выступило против воздвижения памятника Шамилю на том основании, что «это, якобы, идолопоклонство» [7]. Идолопоклонство в исламе связывается с язычеством, и потому существует его неприятие в культовой практике: будущий памятник Шамилю был оценен лидерами мусульман республики через такие идеологические установки.

Д. М. Магомедов говорил, что на эту тему он беседовал с муфтием Дагестана, с другими религиозными деятелями и приватно, и публично. К сожалению, каждый остался при своем мнении. «Я не услышал от них убедительных доводов против памятника. Мне совершенно непонятно, – рассказывал Д. Магомедов, – почему требования неукоснительного соблюдения норм шариата прозвучали только в отношении памятника Шамилю, почему это не касается живописных изображений и фотопортретов других религиозных деятелей прошлого: шейхов, мюридов? Ведь есть хадисы, которые однозначно запрещают всякую изобразительность. Таким образом, эта акция направлена не столько против памятника, сколько против самой личности Шамиля. ДУМД не понимает, что памятник Шамилю способствовал бы укреплению ислама. Мне очень жаль» [7].

Проблему отношения ислама к изобразительному искусству в свое время подробно охарактеризовал известный религиовед О. Г. Большаков [2]. Однако в последующие десятилетия эта тема выпала из поля зрения ученых. Как отмечает вышеназванный исследователь И. А. Тульпе, современное исламоведение «практически не интересуется этой проблемой» [15, с. 199], поэтому очевидна необходимость дальнейшего изучения вопроса.

В истории Дагестана также известны исторические события, связанные с такими запретами. Многим знакомы памятники из камня в виде скульптурных изображений различных зверей, птиц, человеческих фигур и др. из сел Кубачи и Кала-Корейша. Их число, по разным оценкам, достигает 500–550 единиц. Многие рельефы сохранились с отбитыми головами [11, с. 109]. Порча памятников скульптуры была осуществлена достаточно грубо с помощью простейших инструментов (молоток, зубило и др.). В этой связи обращает внимание и то, что скульптурные изображения из камня можно было испортить, «умертвив» их проведением бороздок на их шее, как рекомендует ислам. Провести такие линии на каменных изображениях с помощью зубила или другого инструмента для мастеров не составило бы труда. Напрашивается вывод, что «кампания» по порче памятников проводилась спонтанно, за короткое время под руководством мулл, не разбирающихся в теологии ислама. Очевидно и то, что эти события отразили конфликт местного изобразительного искусства с исламскими представлениями о запретах на изображения живых существ.

Подчеркнем и другое. Практически основная часть таких камней-изображений могла находиться во время порчи в кладке мечетей, куда они попали после разбора общественных зданий села, при ремонте и реставрационных работах в мечетях. В силу традиций сельское общество таким образом старалось сберечь их для потомков. Как показывают и другие дагестанские материалы, это была общая для многих сел Дагестана культурная традиция. Именно так сохранились в них многие исторические артефакты.

Хотелось бы подробнее остановиться на вопросе времени порчи памятников. Изготовление кубачинских памятников исследователи относят примерно к XIV–XV вв. Есть и другая точка зрения. Памятники изобразительного искусства были выполнены, как пишет исследователь З. В. Доде, предположительно до окончательного принятия ислама кубачинцами, то есть в период, когда культура Кубачи испытывала сильное влияние имперского сти-

ля искусства монголов [5; 6, с. 114–121]. Для Кубачи этого времени характерно толерантное отношение к различным верованиям. Можно предположить, что в это время здесь могли работать и «какие-то приезжие мастера» [16, с. 404], исповедующие ислам.

То, что головы изображений были сбиты по религиозным мотивам, не вызывает сомнений у исследователей. Запреты ислама на скульптурные изображения стали широко известны уже с XI в. Есть разные точки зрения о том, как в исламе возникла идеология неприятия изображений живых существ. По словам И. А. Тульпе, «восстановление изначальной чистоты единобожия, веры в Аллаха – Первородца, первопричины мироздания... было фундаментом неприятия фигуративного искусства...» [14, с.140].

При изучении темы значимо и то, «насколько идеи богословов и философов были известны художникам, насколько «практики» знали идеи «теоретиков» и руководствовались ими?» [15, с. 205]. В этой связи важным аспектом становится проблема – где грани ислама и светской культуры в произведениях искусства мусульманских стран? И. А. Тульпе права, когда пишет, «если речь идет не о мечети или рукописи Корана, то весьма затруднительно определить «мусульманское содержание» в таком общепризнанном воплощении исламского искусства как персидская миниатюра» [15, с. 200]. В этой связи интересно и наблюдение Тульпе о том, что вместо термина «исламское искусство» лучше использовать понятие «искусство мусульманских стран». По ее же мнению, произведения прикладного искусства мусульманских стран, не предназначенные для украшения мечетей или Корана, надо относить к светскому искусству. И с этим мы согласны с автором.

Однако вопрос, когда же были сбиты головы на изображениях, не снимается. Здесь исследователи значительно расходятся в датировках. Приведем ряд высказываний на эту тему. Как отмечает известный востоковед А. А. Иванов, «когда же произошло символическое умерщвление живых существ на рельефах, остается только предполагать. Понятно, что это было сделано не сразу после их изготовления, а когда-то позднее». В таком «умерщвленном» виде многие рельефы украшали стены мечетей. Исследователь, большой знаток восточного искусства, А. А. Иванов признает, что такие украшения встречаются (хотя и «крайне редко») на стенах мечетей Ближнего Востока [8, с. 182].

А. А. Иванов подробно не останавливался на этой проблеме, но он обратил внимание на то, что памятники с «умерщвленными» (со сбитыми головами) изображениями – это скульптуры, выявленные на стенах мечетей. Об этом писал и кубачинский мастер Р. А. Алиханов [1, с. 33]. Мечети в Кубачи, в других местах часто перестраивались. Кладки со связкой на глине долго не выдерживали и их часто перестраивали. В том же Кубачи камни со скульптурными изображениями в стенах мечетей, возможно, перекладывались много раз. К сожалению, этот вопрос детально не изучен.

Коснемся мнений других авторов. Археологи В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев, касаясь порчи кубачинских рельефов, указывали, что «многие рельефы попорчены, так как в XIV в. истовые мусульмане, узнав о запрете Корана изображать живые существа, отбили им головы» [13, с. 314].

Исследователь З. В. Доде пишет, что «преднамеренная порча рельефов – возможно, исламская реакция на монгольское наследие. Идеологами этой акции выступили, вероятнее всего, исламские богословы. Однако точные даты ее проведения неизвестны». Неизвестно и то, как происходило разрушение памятников, так как «не понятно, подвергались ли сначала разрушению головы живых существ на изображениях, а затем здания, украшенные рельефами, или, наоборот, на первом этапе акции разбирались дворцовые постройки и после этого стали уничтожаться головы персонажей на рельефах». Одним словом, «невозможно однозначно ответить, когда и почему были обезображены кубачинские памятники» [6, с. 121]. Обратим внимание и на то, почему так грубо были испорчены скульптуры, почему жители Кубачи при этой акции не использовали прием «умерщвления» скульптур с помощью проведения простой бороздки на шее, как того требовали каноны ислама. Понятно, что при таком щадящем подходе к скульптурам, они лучше сохранились бы для истории. Скорее всего,

портили рельефы люди далекие от знаний исламской теологии, о чем мы уже писали выше, и потому трудно согласиться с мнением Э. В. Доде.

В 1966 году вышла книга дагестанского искусствоведа П. М. Дебирова «Резьба по камню в Дагестане», в которой он также попытался ответить на этот вопрос. По его словам, «в действительности кубачинские рельефы относятся к раннемусульманскому периоду в истории Дагестана. Запрет на изображение людей и животных был наложен позднее» [4, с. 29]. О причинах того, почему на некоторых памятниках резьбы по камню и дереву из Кала-Корейша головы изображений животных и птиц даются с черточками поперек шеи, автор писал в другой своей книге, изданной в 1982 году: «Сюжетные мотивы на саркофаге и дверях из Кала-Корейша имеют черточки поперек шеи фигур – знак умерщвления. Этот знак встречается в Дагестане на памятниках XIV–XV вв., среди которых есть и точно датированные. Как известно, запрет на изображения особенно усилился на Ближнем Востоке начиная с XIII–XIV вв.» [3, с. 43–44]. С мнением П. М. Дебирова также трудно согласиться, так как скульптурные памятники из соседнего с Кубачи Кала-Корейша, содержащие черточки на шее, более ранние, чем кубачинские памятники.

О времени порчи кубачинских памятников с изображениями есть и другая версия, принадлежащая исследователю М. М. Маммаеву. Он считает, что «во всяком случае, представляется несомненным то обстоятельство, что основная масса памятников... с Кубачи с изображениями живых существ испорчена позднее XV в.» [12, с. 107–108]. Обращает внимание, что выражение автора «позднее XV в.» говорит о предположительности датировки явления в широких пределах. Каких-либо других аргументов, связанных с таким подходом к датировке этого явления, автор не приводит.

М. М. Маммаев (как и упоминавшийся выше исследователь П. М. Дебиров) показывает, что в соседнем с Кубачи селе Кала-Корейше ряд аналогичных изображений на деревянных дверях мечети и сундукобразном каменном надгробии, датируемые по нижнему пределу XII–XIII вв., переданы с помощью поперечной черточки на их шеях, означающей, что животные «умерщвлены» [12, с. 118]. На памятниках Кубачи такие особенности не выявлены.

Остановимся и на мнении искусствоведа Э. В. Кильчевской, на которое исследователи не обратили внимание. В ее книгах «Художественные промыслы Дагестана» (написана была в соавторстве с А. С. Ивановым), «Декоративное искусство аула Кубачи» содержатся ценные наблюдения по искусству Кубачи. В книгах автора есть немало заслуживающих доверия наблюдений, основанных на полевом материале. Она много раз приезжала в Кубачи, встречалась со стариками аула, местными учителями. Под ее влиянием некоторые из них даже стали исследователями-краеведами. Они позже собрали и издали немало интересных материалов об истории родного села (А. Г.-М. Гусейнов, М. О. Магомедова и др.).

Головы людей, животных, зверей, по словам Э. В. Кильчевской, были сбиты по указке исламского духовенства. Другой вопрос, когда же были сбиты изображения голов на этих памятниках? Э. В. Кильчевская писала о том, что «в XIX в. с усилением ислама на всей территории (имеется в виду Дагестан. – М. А.) приверженцы газавата уничтожали все памятники с изображением живых существ; в каменных рельефах обкалывались лишь головы» [9, с. 22]. Позднее автор дополнил эту версию событий. Кильчевская писала, что «большинство рельефов с сюжетными изображениями сильно фрагментировано в более позднее время (возможно, даже в XIX в.), в эпоху мюридизма, когда фанатически настроенными шейхами и мюридами были разбиты или повреждены почти все памятники изобразительной пластики Дагестана. Особенно старательно разрушались рельефы с изображениями людей». По ее словам, «по настоянию муллы, как рассказывают сами кубачинцы, на рельефах обычно срубали головы, а иногда скалывались даже руки и другие детали, передающие неугодные мусульманской религии сюжеты и события из жизни их «неверных» предков» [10, с. 76].

Однако у исследователя нет конкретных данных о тех «кубачинцах», на которых она ссылается. Хотя при этом надо признать и то, что ссылок на своих информантов у исследователя нет и при изложении других полевых материалов. Нет у Э. В. Кильчевской в качестве

приложения к книге и обычного в таких случаях списка информантов. Тем не менее, на наш взгляд, ее наблюдения можно считать достоверными, если вспомнить, что рельефы с испорченными изображениями выявлены на фасадной кладке стен мечетей, частных домов жителей с. Кубачи. Эти здания поздней постройки. Традиции же «ювелирной» формовки строительного камня во многих селах Дагестана стали распространяться с середины XIX в. Э. В. Кильчевская в свое время действительно могла слышать предания о том, что обкалывание голов скульптур произошло под влиянием событий Кавказской войны и распространившихся в Кубачи шариатских догм о запретах на изображения «живых» существ в искусстве. Обкалывание голов на скульптурах произошло относительно поздно, возможно в первой трети XIX в. К сожалению, в литературе нам не встречались методики определения датировки различных кладок, и в этом плане кубачинская (как и вся дагестанская) архитектура ждет своих исследователей, пока полностью не разрушились старые кладки домов и мечетей.

Вызывает доверие к тексту Э. В. Кильчевской и подробности ее рассказа. Обращает внимание и то, что в практике порчи памятников мы не видим и «единого почерка» (часть рельефов не тронута, в других сбиты то головы, то ноги, то руки).

Мастер с. Кубачи Расул Алиханов в свое время обратил внимание на «невиданный в столь позднее время в других мусульманских землях» факт, когда многие камни со скульптурами живых существ происходят со стен кубачинских мечетей [1, с. 33]. Многие камни из кладки разрушающихся общественных зданий дворцового типа попадали в фасады стен при перестройке мечетей, жилом строительстве в селе. К сожалению, еще не проводились исследования фасадных кладок домов и мечетей Кубачи, чтобы датировать те или иные их исторические особенности, типичные для второй половины XIX – начала XX в. Можно строить предположение и о том, что разбор стен общественных зданий, в кладке которых находились «исторические» камни, актуализировал вопрос – ставить ли их в фасадные стены мечетей? Редко рельефы из общественных зданий попадали и к тем, кто жил в домах, расположенных рядом с этими строениями. В начале 1980-х годов при разборе аварийного дома моей бабушки в кладке стены мы нашли два камня с орнаментом средневекового времени, видимо, оказавшихся там из разрушившегося общественного строения.

В этой связи интересна и общественная традиция тех лет – обращаться с различными вопросами к авторитетам ислама, известным в округе. Так, например, в конце XIX в. разбогатевшие кубачинцы, желая подарить местной мечети, стали привозить из российских городов большие фабричные лампы. Решили посоветоваться по этому поводу (можно ли такие лампы, изготовленные на русских фабриках, использовать для освещения мечети). Сельчане послали своего кадия к авторитетному шейху, жившему в соседнем селе Шири.

Наши попытки сегодня найти новый фольклорный материал в с. Кубачи в виде исторических преданий, других сведений о причинах порчи рельефов, не увенчались успехом. В народной памяти осталось только то, что порча изображений была связана с распространением ислама в этом селе.

«Обкалывание» голов в памятниках резьбы по камню Кубачи была, видимо, разовой акцией, инициированной духовенством; иначе трудно объяснить то, что сохранилось немало памятников резьбы по камню и бронзовые котлы той же эпохи с неиспорченными изображениями. Позже их никто не пытался уничтожить; такие камни берегли, ставили в фасадную кладку стен домов на видном месте, а бронзовые котлы бережно хранили в домашних коллекциях. Многие из таких вещей в XX в. попали в крупнейшие музеи мира. Возможно поводом для такой акции, опять же инициированной духовенством, могло быть и стихийное бедствие. Сведения о таких явлениях в истории Кубачи зафиксированы в ряде эпиграфических надписей, выявленных известным востоковедом Л. И. Лавровым. Более логичной представляется прозаичная причина – желание кубачинцев сохранить «исторические» камни из разрушившихся общественных зданий, использовавшихся до присоединения Дагестана к России управленцами кубачинского общества. Известна особая тяга кубачинцев к результатам творческого труда, и потому естественным было их желание сохранить эти памятники про-

шлого в кладке главных архитектурных сооружений села – мечетей. Можно предположить, что в кладку мечетей рельефы попали в первозданном виде. Мастера сбивали головы изображений, видимо, работая «на весу», о чем свидетельствует, как мы отметили, грубая их работа.

Кроме кубачинских рельефов из истории искусства Дагестана исследователям известны и другие факты, связанные с изобразительными сюжетами на камне. Речь о достаточно большом числе памятников петрографики с изображениями людей, зверей, животных [4, с. 4, 5, 9, 15–33]. Многие из них, по датировке П. М. Дебировой, были выполнены во времена позднего средневековья и даже в XIX в. Они не скульптурны, не «дают тени» и потому, возможно, не вызвали неприятия у «грамотного» духовенства. Возможно и то, что многие духовные лица не знали теологические положения ислама, связанные с правилами передачи изображений в искусстве.

Таким образом, порча кубачинских рельефов (скульптурных изображений людей, зверей, животных, птиц) остается одной из загадок дагестанского искусства. До конца неясным остается вопрос о времени их порчи и причинах такой акции. На наш взгляд, наиболее интересным представляется мнение исследователя Э. В. Кильчевской, указавшей, что это могло произойти во время событий Кавказской войны и усиления борьбы за утверждение положений шариата. Об этом говорят и доводы, которые мы привели выше.

Вместе с тем интересно и то, что «народный» ислам Дагестана в историческом прошлом значительно отличался от «мечетского». Он часто воспринимал запреты раннего ислама через логику здравого смысла. Простые люди мало верили, что изображения, которые существовали как результат творчества безымянных мастеров столетиями, могут нанести им какой-либо вред. Кубачинцы ограничились символическим умерщвлением произведений скульптуры, хотя они это сделали достаточно грубо: в этом были виноваты служители культа, не знавшие положений ислама о правилах сохранения в общественной практике таких изображений и не предложившие мастерам «щадящие» формы порчи скульптуры путем нанесения линий «отсечения» голов изображений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиханов Р. А. Кубачинские очерки: записки мастера // Искусство Кубачи / сост. альбома А. А. Иванов. Л., 1976. С. 8–63.
2. Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // Труды государственного Эрмитажа. М., 1969. Кн. 10. С. 142–156.
3. Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. 208 с.
4. Дебиров П. М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982. 240 с.
5. Додэ З. В. Кубачинские рельефы: новый взгляд на древние камни. М., 2010. 248 с.
6. Додэ З. В. Светские образы в исламском пространстве средневекового Зирихгерана // Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. 2012. № 1 (49). С. 114–121.
7. Муртазали Дугричилов и журнал «Наш Дагестан». Запрещенный имам. Часть третья / интервью с проф. Д. М. Магомедовым. 23 марта 2007 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://murtazali.livejournal.com/8412.html> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Иванов А. А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / сост. А. А. Иванов. Л., 1976. С. 164–197.
9. Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962. 83 с.; ил.
10. Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука, 1968. 207 с.
11. Магомедов А. Дж. Традиционная художественная культура Дагестана и ислам (по материалам истории XX в.) // Исламоведение. 2012. № 1. С. 108–117.
12. Маммаев М. М. О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана: сб. статей / сост. М. М. Маммаев; отв. ред.: Д. М. Магомедов, М. М. Маммаев. Махачкала, 1987. С. 101–127.
13. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории. Тула: Гриф и К, 2003. 340 с.

14. *Тульпе И. А.* Монотеизм и проблема изображения // Евразия: духовные традиции народов. М.: МПИ, 2012. № 1. С. 137–145.
15. *Тульпе И. А.* Религия и искусство: Ислам // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. Вып. 3. С. 199–211.
16. *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. 463 с.

Поступила в редакцию
12.02.2020.

Магомедов Амирбек Джалилович, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института языка, литературы и
искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Magomedov Amirbek Dzhililovich, Doctor of
History, chief researcher, the G. Tsadasa Institute
of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Иллюстрации



Рельеф с птицами со сбитыми головами. Камень, с. Кубачи (по З. В. Доде).



Рисунок деревянной резьбы на дверях джума-мечети Кала-Корейша. На шее одного из львов линия-прорезь, поясняющая по суфийским канонам, что изображено «мертвое» животное (по П. М. Дебирову).